

Майтрейе посвящается

Список иллюстраций

2.1. Первые советские часы Антолина Барсены (куплены в 1962 году). Фото — Антолин Барсена

2.2. Первая реклама советских наручных часов «Полет». Bohemia 24. 1961. 11 июня

2.3. Социальная реклама, призывающая экономить электроэнергию. Bohemia 77. 1985. № 40. 4 октября

3.1. Советский кондиционер 1980-х годов, полученный в качестве премии на работе; висит в спальне Луизы Карбайейры, функционирует по сей день. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Луизы Карбайейры

3.2. Виниловый проигрыватель Мигеля Ариза. Куплен в СССР в 1960-е годы. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Мигеля Ариза

3.3. Советский утюг Лиз Лопес и Агустина Фандо. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Лиз Лопес и Агустина Фандо

3.4. Радиоприемник Selena Хуана Кабреры у меня на кухне (Гавана, район Ведадо). Надпись на задней стенке сообщает, что прибор был изготовлен на Кубе в соответствии с советской технической документацией («Made in Cuba, according to the Soviet technical documentation of the electronics industry of Minkom»). Фото автора, публикуется с любезного разрешения Хуана Кабреры

3.5. Телевизор Caribé и настольный вентилятор из СССР дома у Лиз Лопес и Агустина Фандо. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Лиз Лопес и Агустина Фандо

3.6. Советский кинопроектор Хуана Карлоса Гарсии. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Хуана Карлоса Гарсии

3.7. Швейная машинка Мигеля Аризы. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Мигеля Аризы

3.8. Советский настольный вентилятор «Орбита» Антолина Барсены. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Антолина Барсены

3.9. Старый советский кондиционер БК-1500 по-прежнему исправно охлаждает картинную галерею Кристины Вивес. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Кристины Вивес

3.10. Неработающая, но бережно хранимая как памятный артефакт советская стиральная машина «Аурика» в доме Хосе Мигеля Фигереди и Мерседес Эчаге. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Хосе Мигеля Фигереди и Мерседес Эчаге

4.1. Письмо из Государственного департамента США с сообщением об одобрении визы Эдуардо Пуэнте. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Эдуардо Пуэнте

4.2. Советская открытка, которую Эдуардо получил от своей тети. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Эдуардо Пуэнте

4.3. Брошюра Института русского языка имени Максима Горького, хранящаяся в личном архиве Антолина Барсены. Он был одним из первых подавших заявку на поступление, когда институт только открылся. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Антолина Барсены

4.4. Походная фляга, привезенная Каридад Брето из советского пионерлагеря. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Каридад Брето

4.5. Гжельская статуэтка, подаренная Рафаэлю Бельтрану по окончании аспирантуры в Москве. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Рафаэля Бельтрана

4.6. Матрешка, портрет Пушкина и другие советские артефакты, собранные Сиомарой Гарсией. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Сиомары Гарсии

4.7. Советская поваренная книга, подаренная Ноэми Диаз в знак благодарности материю чернобыльца. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Ноэми Диаз

4.8. Подаренный на свадьбу фарфоровый сервиз, выпущенный к 50-летию юбилею Октябрьской революции. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Тереситы Урры и Антонио Труебы

4.9. Календарь, напоминающий о том, что 1969 год стал для Райны и Рудольфо особенным: именно тогда в Москве у них родилась дочь. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Райны Родригес и Рудольфо Альвареса

4.10. Сервант с советскими артефактами, многие из которых Райне и Рудольфо дарили на память принимавшие их в СССР. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Райны Родригес и Рудольфо Альвареса

4.11. Снимки из фотоальбома Мириам Месы: 1970-е годы, Москва, погрузка вещей для отправки в Гавану. Подпись сообщает: «Приготовления в обратный путь — зима 1979». Фото автора, публикуется с любезного разрешения Мириам Месы

4.12. Анна с парой носков, вручную связанных ее русской мамой. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Анны Лидии Веге Серовой

4.13. Каридад Брето показывает мне русские платки. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Каридад Брето

4.14. Снимок баннера со словами «перестройка» и «rectificación» на фоне советского и кубинского флагов. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Кристины Вивес

6.1. Том романа Л. Н. Толстого «Воскресение» Шабнам Хашми. Публикуется с любезного разрешения Шабнам Хашми

6.2. Большой фотоальбом, посвященный республикам СССР, благодаря которому Дипа Бхашти впервые познакомилась с видами советской страны. Публикуется с любезного разрешения Дипы Бхашти

6.3. Девадатта Раджадхьякша показывает издание цикла рассказов Виктора Драгунского «Денискины рассказы» в переводе на маратхи. Публикуется с любезного разрешения Девадатта Раджадхьякша

6.4. Апарна Сингх и сейчас иногда перечитывает повесть Владислава Крапивина «Та сторона, где ветер» — одно из своих любимейших советских произведений. Публикуется с любезного разрешения Апарны Сингх

6.5. Малаяльский перевод рассказа Николая Носова «Шурик у дедушки» из личной библиотеки Сайида А. Латхифа. Публикуется с любезного разрешения Сайида А. Латхифа

6.6. Повесть Николая Дубова «Мальчик у моря» в переводе на малаялам из личной библиотеки Сайида А. Латхифа. Публикуется с любезного разрешения Сайида А. Латхифа

6.7. Книга «Солнечный ветер» Алексея Леонова на полке Ранджита Хоскота. Публикуется с любезного разрешения Ранджита Хоскота

6.8. Советское пособие по горному делу и минералогии, которым Девараджан Майлапалли пользовался во время обучения в аспирантуре в Индии. Публикуется с любезного разрешения Девараджана Майлапалли

6.9. Девараджан говорит, что советскими учебными материалами (наподобие «Полевого определителя минералов» Кузина и Егорова) пользовались параллельно с местными и американскими изданиями. Публикуется с любезного разрешения Девараджана Майлапалли

6.10. Советский учебник по алгебре, сразу начинающийся со сложных упражнений вместо плавного введения в тему. Публикуется с любезного разрешения Рамеша Ананта

6.11. Книга о космической станции «Мир», которой, как вспоминает Винай Аравинд, зачитывались все его одноклассники в элитной гимназии города Коттаям. Публикуется с любезного разрешения Виная Аравинда

6.12. Советские книги различной тематики из личной библиотеки Ранджита Хоскота. Публикуется с любезного разрешения Ранджита Хоскота

7.1. Фотопортреты Пратиикши Сингх и ее брата напоминают о времени, проведенном в Советском Союзе. Публикуется с любезного разрешения г-на и г-жи Сингх

7.2. Кухонный безмен, приобретенный в Москве. Публикуется с любезного разрешения г-жи Сингх

7.3. Аниль Наурийа демонстрирует фотографию, на которой он и его дед запечатлены с маршалом Жуковым в 1957 году. Публикуется с любезного разрешения Аниля Наурийи

7.4. Классическая сине-золотая фарфоровая пара — один из многочисленных русских артефактов, дорогих сердцу Шабнам Хашми. Публикуется с любезного разрешения Шабнам Хашми

7.5. Колокольчик из гжельского фарфора рядом с традиционными предметами убранства индийского дома. Публикуется с любезного разрешения Лалимы Сингх

7.6. Кукла Таша, подаренная Ранджане Саксена старинным другом из России, заняла почетное место на книжной полке в ее доме в Нью-Дели. Публикуется с любезного разрешения Ранджаны Саксена

7.7. Советские камеры «Смена» С. Анантханараянана. Публикуется с любезного разрешения С. Анантханараянана

7.8. Анубхути Маурья уверяет, что через этот советский бинокль можно наблюдать спутники Юпитера, что свидетельствует о его качестве. Публикуется с любезного разрешения Анубхути Маурья

8.1. Расписной поднос, который Ума Мукхерджи купила в Москве во время конференции. Публикуется с любезного разрешения Умы Мукхерджи

8.2. Обложка пластинки легендарной группы «Аквариум». Этот альбом Субир Синха приобрел в Нью-Дели вскоре после распада СССР. Публикуется с любезного разрешения Субира Синха

8.3. Задняя сторона того же винила. Публикуется с любезного разрешения Субира Синха

8.4. Аудиосистема Мигеля Аризы — типичный пример кубинского DIY для меломанов: усилитель Crown с подключенным к нему старым советским виниловым проигрывателем. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Мигеля Аризы

8.5. Примирение эпох материальной культуры: дореволюционный утюг фирмы General Electric на фоне советского визави. Фото автора, публикуется с любезного разрешения Родриго Эспины

Слова благодарности

В мае 2022 года от осложнений, вызванных COVID-19, скоропостижно скончался Эрнесто Гомес Фигереди, мой референт из Гаваны. Эрнесто был молодым, талантливым и весьма ярким журналистом. Живой энтузиазм, с которым он погружался в представленный в этой книге материал, неподдельный интерес к личным историям и переживаниям людей чрезвычайно облегчили привычные трудности полевой работы. Эрнесто страстно желал путешествовать и продолжать обучение журналистскому делу в Европе. Сердце разрывается при мысли, что дальнейших планов ему построить не суждено. В последней нашей переписке за неделю до ухода он воодушевленно рассуждал о книге, с нетерпением ожидая своего экземпляра. Эрнесто, без тебя мне никогда не удалось бы справиться с подобной работой.

Я сердечно благодарна всем собеседникам с Кубы и из Индии, откликнувшимся на электронные письма и звонки, не пожалевшим времени и сил на интервью и подготовку для меня имеющих у них советских вещей. Они гостеприимно впустили меня в свою жизнь, поведали свои истории, подчас весьма личные, благодаря чему и получилась эта книга. Некоторых из тех, с кем мне довелось побеседовать, сегодня уже нет, но я всегда вспоминаю о них с теплом и признательностью.

Свой вклад в успешное окончание настоящего проекта внесли многие люди и организации. Так, в 2019 году факультет европейских исследований Амстердамского университета великодушно одобрил мой академический отпуск для работы над книгой. На первых порах мне оказали серьезную поддержку коллеги, особенно Артемий Калиновский, Кристиан Ноак, Миха Кемпер, Алекс Дрейс-Френсис и Дина Файнберг. Целый ряд новых вопро-

сов по теме был сформулирован в результате оживленной дискуссии на организованном в 2018 году Университетским колледжем Лондона и Школой востоковедения и африканистики семинаре «Социалистический мир, третий мир и медиамир». Не менее плодотворной для моей работы стала и прошедшая в 2019 году в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана конференция «Культурная холодная война», организаторами которой выступили Гаутам Чакрабартти и Кристофер Балм. Я выражаю глубокую признательность за упомянутые (а равно и многие другие) встречи и обсуждения, тем или иным образом питавшие и направлявшие мои исследовательские устремления.

Вся полевая работа в Гаване вовсе не состоялась бы без Пары Кумарасвами, профессора кубинской литературы в Университете Рединга, уже на этапе подготовки помогавшего мне ценными советами и полезными знакомствами. Кроме того, во время работы в Гаване мне весьма помогли Изабель Стори, Дамарис Пуньялес-Алписар и Мария Кабрера Арус, щедро делившиеся контактами. Чудесные люди из Кубинского института культурных исследований имени Хуана Маринелло — ректор Родриго Эспина и глава отдела по внешним связям и обмену Хенри Эредиа — были невероятно отзывчивы, великодушно помогая мне как в подготовке поездки, так и во время работы в Гаване. Их гостеприимство я навсегда сохраню в сердце. Я также признательна Ане Лауре Мартинес, занимавшейся расшифровкой испаноязычных интервью.

Что касается так называемой индийской части работы, я должна особенно поблагодарить Свапну Кону Найюду, ставшую моим первым собеседником: именно пилотное интервью с ней окончательно убедило меня в том, что выбранное направление работы не только сулит ценные находки, но и создает атмосферу приятной ностальгии от соприкосновения с советскими вещами. Я также чрезвычайно признательна всем, кто помогал мне в поисках собеседников посредством перепостов в социальных сетях. Нередко такие публикации приводили к появлению разнообразных коллективных воспоминаний (очаровательное следствие

обращения к социальным платформам для поиска заинтересованных собеседников). Я выражаю особую благодарность Ниилю Мадхаву, подарившему мне возможность побеседовать с его отцом Сумантом Кумаром Сингхом, с которым мне не удалось связаться через скайп.

Было бы упущением с моей стороны не упомянуть отдельно вклад Виная Аравинда, благодаря профессионализму которого фотографии в этой книге были приведены в должный для публикации вид. Кроме того, мне весьма помогла моя бывшая магистрантка Летиция ван Дейк из Нидерландов, взявшая на себя нелегкое дело вычитки черновых набросков для подготовки окончательного текста рукописи. Благодаря ее кропотливой работе мне удалось соблюсти даже собственные сроки выполнения проекта.

Неоценимую пользу в работе над книгой принесла конструктивная критика, высказанная редакторами культурологической серии о холодной войне издательства Routledge. На протяжении всей работы меня сильно поддерживал Макс Новик, без которого эта книга вряд ли вообще увидела бы свет. Я глубоко признательна Нику Броку, Сарите Шринивасан и замечательной выпускающей команде Routledge и Straive, чьи педантизм и внимание к деталям внесли в работу важные последние штрихи. Я должна поблагодарить и Амита Прасада, великолепно справившегося с предметно-именным указателем и помогавшего готовить книгу к выпуску.

Амма и Сварна, спасибо за вашу убежденность в том, что, несмотря на все трудности, этот проект будет успешно реализован. Я благодарю вас, Йост и Майтрейя, за искренний интерес к моей исследовательской работе, что помогало мне легко справляться с неизбежными в подобном деле моментами неуверенности в себе. Наконец, я высоко ценю тщательный и вдумчивый перевод, выполненный Арсением Черным, который помог мне осуществить давнюю мечту — достигаться до русскоязычных читателей. Спасибо Арсению и редакции издательства Academic Studies Press.

Введение

Сумант Кумар Сингх (1954 года рождения) из округа Кагария (штат Бихар) вспоминает, что в 1960–1980-е годы даже в его деревушке за 1000 км от Нью-Дели были семьи, выписывавшие иностранную советскую периодику, наподобие журналов «Советский Союз» или «Советская женщина». Журналы, говорит он, обычно лежали при входе (*derwaza* на местном наречии), чтобы гости при желании могли полистать их глянцево-страницы.

На Кубе, в другой части света, Ноэми Диаз (того же года рождения) показывала мне изрядно потрепанную советскую кулинарную книгу, подаренную ей матерью чернобыльского ребенка, за которым Ноэми ухаживала в местном госпитале.

В эпоху холодной войны международные отношения строились и ощущались через поток подобных материальных предметов в не меньшей степени, нежели осуществлялись и посредством распространения военных и ядерных технологий.

В этой книге мы рассмотрим воспоминания о холодной войне и советских жестах дружбы очевидцев с Кубы и из Индии через призму самых обычных, повседневных советских вещей, которыми люди пользовались дома.

Что это за книга

Геополитика как практика и дисциплина традиционно полагает жизненно важным представление глобального устройства через фиксированные, дискретные пространства с известной иерархией и рядом основополагающих атрибутов. Другой важный момент в традиционном геополитическом подходе — это сосредоточенность на государстве и территории, сугубо в рамках

которой и рассматривается общество со всеми своими привычными устоями. При таком подходе геополитика оказывается «миром без людей», «миром абстрактных, бестелесных политических субъектов» [Staeheli, Kofman, Peake 2004: 5]. Вместе с тем «геополитика... лучше всего познается в ее беспорядочной контекстуальной данности» [О’Тоал 2009: 191]. С этой целью нам понадобится изучить, как геополитика вторгается в частную жизнь людей, определяя их взгляды и встраивая их агентность в работу геополитических субъектов [Hörschelmann 2008: 590]. Такое геосоциальное измерение дополняет политико-экономические подходы к изучению геополитических отношений [Kallio, Häkli 2017: 93]. Так как же нам подступиться к геосоциальным процессам — геополитике как «воплощенной» и «беспорядочной» практике? Как рассмотреть геополитическую субъектность, конституируемую в повседневной жизни, а не только в безличных «элитарных сценариях» [Dittmer, Gray 2010: 1665].

Книга о путешествиях советских вещей¹ полагает первым шагом к решению подобных вопросов формирование геополитического воображения в обыденных местах и пространствах, которые в противном случае считали бы совершенно далекими от политики. Если история торговых отношений Советского Союза с государствами-единомышленниками или странами,

¹ Я намеренно употребляю слово «вещи» в названии книги, желая тем самым подчеркнуть совершенно обыденный, банальный, «повсеместный до степени невидимости» характер предметов, обсуждаемых с собеседниками. Вещи наличествуют безотносительно нас; они такие сущие, что «эффективно функционируют», оставаясь при этом «сокрытыми от взора» [Hartman 2010: 18]. Но при обращении к ним вещи «опредмечиваются»: как говорит Хайдеггер, «нечто самостоятельное может стать предметом, когда мы ставим его перед собой... Вещественность вещи, однако, и не заключается в ее представленной предметности» [Хайдеггер 1993: 317]. Вещи и сущности могут колебаться между тем, чтобы быть «сокрытыми от взора» и оказываться сознательно представленными, то есть «поставленными *перед* собой», предметами. Словом, я намеренно говорю о «вещах», поскольку для многих моих собеседников они действительно именно такие «вещи» — «сокрытые от взора», незаметные, давно принятые за данность — и таковыми оставались вплоть до сознательного их «опредмечивания» в ходе интервью.

искавшими поддержки, вполне известна, о конкретном опыте живых людей, возникавшем на почве этих политических решений, мы знаем не слишком много. Воспоминания же пожинавших плоды от приобретения этого опыта говорят о том, как в их повседневной жизни осуществлялось, ощущалось и осознавалось международно-политическое дружелюбие в холодную войну. Обсуждение советских вещей поможет нам обратиться к этим частным историям в рамках феноменологического подхода к изучению роли Советского государства на Глобальном Юге.

Настоящая работа выполнена на стыке культурологии, исследований материальной культуры, памяти и феминистской геополитики и ставит целью «прояснить способы народного и международного проявления в бытовой повседневности, принимаемой нами за данность» [Dowler, Sharpe 2001: 171], к чему я прибавила бы «и то, как национальное, местное и интернациональное пересекаются друг с другом в этом пространстве». Путешествия вещей, упоминаемых в книге, остались в памяти моих собеседников эпизодами их биографии, из которых можно почерпнуть то, каким образом ими формировались геополитические образы тех мест, из коих они прибыли. В силу же того, что советские вещи оказывались у людей в домах, они и являлись ближайшим связующим звеном между популярной культурой и советской «мягкой силой», личным и геополитическим миром. Почему в фокусе нашего внимания будут именно такие — личные — вещи, а не какие-либо общественные проекты или инфраструктурные объекты? Мой выбор пал на предметы домашнего обихода, поскольку дом — это такое место, где память человека реконструируется в его привычках, укладе, а также через сопутствующие этому вещи. Дома «память делает нас теми, кто мы есть» [Jones 2011: 875]. В пространстве дома предметы становятся эдакими отголосками прожитых историй, маяками, указывающими на их «место действия» уже в настоящем, напоминая, а порой и воссоздавая прошлое [Myers 2004: 210]. Что люди берегут, что ставят на видное место и что вообще делают неотъемлемой частью своего дома — все это может поведать нам об их представлениях о своей родо-

словной. Откуда пошел их род, где были они сами, кого видели и знали — словом, все то пережитое в прошлом, что направляет их жизнь в настоящем, формируя взгляд на мир и свое место в нем, то есть предметы домашнего быта составляют будто «точки на карте», связующие их с самыми разными частями света [Riggins 1994a: 109], цит. по: [Haldrup 2009: 53].

Собранные здесь рассказы о путешествиях различных советских предметов являются важным подспорьем в деле изучения процессов социалистической глобализации в период холодной войны. Пересекая границу восточного блока, советские вещи обретали нарративную и символическую силу, обрастая смыслами и ценностями, привносимыми теми, кто ими обладал и пользовался; эти вещи становились в итоге своего рода посредниками, позволяя людям пережить через себя и дискурсивно конструировать не только опыт Советского Союза, но и собственное место в мире. Таким образом, вещи являются связующим звеном между популярной культурой и международной политикой. Предметы советского быта в подобном аспекте оказываются геополитическими артефактами, а отношения, действия, эмоции и воспоминания тех, с кем они связаны, показывают настроение людей относительно геополитически значимых событий и процессов. Вести подобные условные раскопки в области геополитической субъективности — значит ставить вопрос, во-первых, о том, как геополитическая ситуация холодной войны повлияла на жизнь конкретного человека, во-вторых (что еще более важно), о том, как повседневные действия, поступки и привычки человека способствовали очередному геополитическому витку, придавая международным стратегическим отношениям государств осязаемый и интуитивно понятный характер. Именно здесь — в живом опыте, вещах и памяти людей — и бьется сердце этой книги.

Куба и Индия

Выбор стран для нашего исследования был обусловлен рядом факторов. Куба с Индией имеют много общего, но одновременно и весьма отличны друг от друга в политкультуре и экономике,

а также культуре потребления. Обе страны были серьезными игроками на Глобальном Юге, но обладали совершенно разной политической культурой (радикальный социализм и авторитарный строй на Кубе — «полусоциализм» и демократия в Индии). Исследователи отмечают, что кубинская коммунистическая революция совершилась без поддержки со стороны СССР, а также подчеркивают значимость фигуры Кастро с его видением самобытности кубинского коммунизма. Индия же была примечательна тем, что являлась — пользуясь советской терминологией — «крупнейшей буржуазной демократией», с которой Советский Союз сохранял тесные политические и экономические связи даже тогда, когда Индия и ряд государств создали Движение неприсоединения². Обе страны находились в так называемой геополитической серой зоне, в которой дружба с Советским Союзом не мешала принимать независимые внешнеполитические решения. Яркой иллюстрацией их самостоятельной политики является то, что Индия выступила одним из основателей Движения неприсоединения, в заседаниях которого принимала — в лице Кастро — активнейшее участие и Куба.

Индийский и кубинский внешнеполитический курс пролегал главным образом по пути антиимпериализма, которого придерживалась и большая часть неправительственного Глобального Юга. На Бандунгской конференции³ неправительственные организации из Африки и Азии избегали откровенной блоковой риторики, даже если правительства их стран склонялись к той или иной стороне [Stolte 2019]. «Именно многогранная полифония интернационализма и даровала участникам подобную роскошь — обсуждать антиимпериалистическую повестку вместо диктовавших официальные нарративы злободневных демаркаций и идеологических размежеваний холодной войны» [Stolte 2019: 130]. Иными словами, конкурирующие нарративы обновления

² Созданное в 1961 году, это движение на сегодняшний день насчитывает 120 государств-членов и еще 20 наблюдателей. — *Прим. пер.*

³ Прошедшей в конце апреля 1955 года и ставшей своеобразной репетицией Движения неприсоединения. — *Прим. пер.*

и развития, распалывшие холодную войну, воспринимались не столь взаимоисключающим образом, как их пытались продвигать; с Советским Союзом Глобальный Юг сближал именно антиимпериализм, нежели причастность к тому или иному послевоенному идеологическому лагерю.

Противостояние сверхдержав, каждая из которых отстаивала в годы холодной войны свою модернизацию, подстегнуло официальный экспорт (а равно и уже неофициальное распространение) советских технологий в страны Юга. Советские вещи бытового и личного пользования попадали в страны ближнего и дальнего зарубежья Азии и Латинской Америки как посредством торговых отношений между государствами, так и благодаря частным лицам, покупавшим вещи и получавшим их в дар. В разгар холодной войны всевозможные советские вещи — от бытовой техники до книг — должны были транслировать превосходство советского модернизационного проекта, а также добрую волю Советов в отношении Глобального Юга, многие страны которого, став независимыми, подумывали о смене политического курса. Добрые отношения между Советским Союзом и этими государствами способствовали также неформальному обороту вещей наподобие сувениров и прочих подобных артефактов, полученных в результате взаимодействия людей, ставшего возможным благодаря новым геополитическим связям, особенно таким, как программы студенческого обмена и взаимные дипломатические миссии.

Советские вещи

Отношение к вещам в советской политике — что внутренней, что внешней — случайным, конечно, быть не могло. Уже первые советские конструктивисты видели в окружающих предметах своих товарищей, утверждая такое отношение к вещам, которое способствовало бы интеграции повседневных предметов в жизнь так, чтобы укреплять социалистическую сознательность. Тем самым они оппонировали капиталистической — так называемой товарной — культуре, где потребление считалось делом частным

и приватным, самодовлеющим и оторванным от творческой области производства, то есть товар капиталистического происхождения никоим образом не оказывал воздействия на сознание индивида [Kiaer 2005: 31–32]. Как писал в своем эссе «Быт и культура вещи» Борис Арватов, «связь индивидуума и коллектива с вещью есть самая основная, важная, определяющая из социальных связей» [Арватов 1925: 75]. Здесь важно то, что уже тогда, в начале XX века, исследователь прямо указал на ключевую роль бытовой материальной культуры в формировании субъекта [Kiaer 1997: 105].

Александр Родченко, другой пионер конструктивизма, еще нагляднее сформулировал продуктивистский принцип, называя вещи «друзьями-товарищами» и указывая на необходимость «радикально отличной социополитической концепции вещей и наших с ними отношений» [Kravets 2013: 42]. Сергей Третьяков, публицист и драматург, входивший в кружок левовцев⁴, говорил даже о «биографии вещи», чья «композиционная структура... представляет собой конвейер, по которому движется сырьевая единица, с помощью человеческих усилий превращающаяся в полезный продукт» [Третьяков 1929/2000: 71], то есть весь производственный цикл — от изначального проекта до конечного потребления — являлся составляющей этой «биографии вещи», в то время как люди со своими эмоциями и чувствами были делом наживным: «Биография вещи имеет совершенно исключительную емкость для включения в нее человеческого материала. Люди подходят к вещи на поперечных сечениях конвейера» [Там же: 71]. В этой «биографии, — продолжает он, — эмоция становится на подобающее ей место и ощущается не как личное переживание» [Там же].

Таким образом, задолго до материального поворота в европейских и американских гуманитарных штудиях советские художники выработали взгляд на вещи как ключ к пониманию человеческого поведения.

⁴ ЛЕФ («Левый фронт искусств») — объединение, основанное в 1922 году в Москве бывшими футуристами во главе с Маяковским. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru